

УДК 821.161.1.1(Цветаева М.)
ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)-8.445

ГСНТИ 17.82.10

Код ВАК 10.01.01

Монзина Римма Ивановна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры современной русской литературы; Уральский государственный педагогический университет; 620017, пр. Космонавтов, 26; e-mail: n_barkovskaya@list.ru

**«СКАЗАТЬ – ЗАДУМАЛАСЬ О ЧЕМ?..»
(ЦИКЛ «УЧЕНИК» В ЛИРИКЕ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ)**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: М. И. Цветаева; С. М. Волконский; мотив; образ; учитель.

АННОТАЦИЯ. Анализируется цикл стихотворений М.И.Цветаевой, посвященный князю С. М. Волконскому. Выделяются основные идеи и мотивы: идея любви и поклонения учителю, образ плаща, мотив родства душ.

Monzina Rimma Ivanovna,

Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Contemporary Russian Literature, Ural State Pedagogical University.

**«SHALL I SAY – WHAT I AM THINKING OVER?»
(SERIES “LEARNER” IN M. TSVETAYEVA’S LYRICS)**

KEY WORDS: M. I. Tsvetayeva, C. M. Volkonski; motif; image; teacher.

ABSTRACT. The author analyzes the series of poems by Tsvetayeva dedicated to Duke C.M. Volkonski. The author distinguishes the main ideas and motifs such as the idea of love and worship to teacher, image of a cloak, motif of soul affinity.

Цикл «Ученик» занимает особое место в лирике М. И. Цветаевой. Он посвящен князю Сергею Михайловичу Волконскому, внуку декабриста, писателю, театральному деятелю, человеку своего «века и духа». Князь С. Волконский – личность яркая, неординарная, судьба его трагична, как и судьбы многих людей России, но в них отразился дух эпохи, культуры, в них – духовная красота, величайшая человечность и благородство. «Но больше всего, – как пишет Т. Бачелис, – поражаешься именно красоте и этих лиц, и многих других, пришедших в наш бурный трагический век из далекого прошлого. По их лицам, позам, жестам можно изучать и европейскую “бель эпок”, и русский серебряный век» (1, с. 363).

Князь С. Волконский принадлежал к известному дворянскому роду. Его прадед, дед со стороны матери, – Александр Христофорович Бенкендорф, будущий граф, шеф жандармов, был любимцем царской семьи. Бабушка Мария Александровна, средняя дочь Бенкендорфов, вышла замуж за князя Сергея Григорьевича Волконского, будущего декабриста. Отец С. Волконского – Михаил Сергеевич Волконский и мать – Елизавета Григорьевна. Князь С. Волконский выдержал все превратности судьбы: голод, холод, унижение, крушение идеалов, разруху, но сумел выстоять и сохранить высокую духовность, через всю жизнь он пронес любовь к людям, природе, русской земле, родине. Не случайно второй том своей книги «Мои воспоминания» он назвал «Ро-

дина», хотя долгие годы Сергей Михайлович вынужден был жить вне России, как и М. И. Цветаева.

Князь С. М. Волконский сыграл огромную роль в жизни и творчестве М. И. Цветаевой. Они познакомились в Москве в 1919-1920 гг. – тяжелые, голодные, мучительные годы для всей страны. Ему было 60 лет, ей – 28 лет. Их объединяла общая беда, тяжелая судьба, высокая духовность, творчество. Дружба их продолжалась долгие годы. Как пишет Т. Бачелис, «то была удивительная дружба, влюбленная дружба, совсем особая, духовная, причудливая, очень необычная» (1, с. 358).

Князь С. Волконский оказал огромное влияние на духовное становление М. Цветаевой. Он был в ее воображении учителем. Позже в очерке «Кедр» (1926 г.) она пишет: «Кн. Волконского я смело могу назвать – учителем жизни» (2, с. 264). Именно «учителем жизни» был князь С. Волконский для М. Цветаевой, помогая ей выстоять, выжить в тяжелые для нее годы. Он восхищал ее духовным спокойствием, высокой духовностью, внутренней независимостью, достоинством, благородством и величайшей человечностью. В 1921 г. М. Цветаева помогала ему переписывать рукописи его книг. Книга князя С. Волконского «Мои воспоминания» была опубликована в Берлине (1923-1924 гг.), у нас в России она была издана впервые лишь в 1992 г. Это книга о прошлом, настоящем, о родовых «корнях», о людях, о родине.

Книгу С. Волконского высоко оценила М. И. Цветаева и написала своеобразный по жанру очерк «Кедр», определив его как апология (предвзятая защита, восхищение). В нем она делится своими размышлениями о книге С. Волконского. М. Цветаева не случайно назвала свой очерк «Кедр». Кедр – олицетворение жизни, стойкости, вечности, «дерево из высоких высокое, из прямых прямое, двойное воплощение Севера и Юга (кедр ливанский и кедр сибирский), дерево редкое в средней полосе России. Двойная сущность Волконского: северное сияние духа – латинский его (материнский) жест. И двойная судьба, двойной рок, тяготеющий над родом Волконских: Сибирь и Рим! (Тяготеющий над внуком декабриста, ибо четыре года в Сов(етской) России, – чем не Сибирь?)... Апологию свою я назвала “Кедр” и потому еще, что это на десятки тысяч его бывших десятин – самая любимая его пядь земли: сибирский кедр, его руками посаженный...» (2, с. 271).

М. И. Цветаева называет книгу С. Волконского настоящей «летописью века и духа», книгой «величайшей человечности». «Человечность не только глубь, – но и высь. Дерево не растет в воздухе, что корни, но не ошибка ли русских в том, что они за корнями («нутром») не только забывали вершину (цветение), но еще считали ее некой невозможной роскошью...» (2, с. 246). В этих словах слышится и боль автора, и горечь его за всех нас, за то, что мы многое не умеем ценить по достоинству и по заслугам. Вот почему М. Цветаева и выступает в защиту князя С. Волконского как человека, столько вынесшего бед и не оцененного по достоинству у себя, на родине, которую он беззаветно любил.

М. И. Цветаева создает удивительный «портрет» человека своего «века и духа», говорит о князе Волконском как о чуде, о высокой личности: «Простое и чудесное чудо: личность, то, что не скроешь даже в приходо-расходной книжке!..» (2, с. 269). Она подчеркивает, что он от рождения был поставлен высоко: «Перед вами не обывательская жизнь, а жизнь человека, от рождения поставленного высоко, – чем выше пьедестал, тем шире кругозор! – и вот, через всю эту вражду: князей – к писателю, писателей – к князю, эсеров – к помещику, помещиков – к “вольнодумцу”, через эти миллионы вражд количества к качеству, ничтожества – к личности – что встает, что пребывает? Неугоми-мость любви!» (2, с. 248).

М. И. Цветаева раскрывает его высокую духовность: природный талант, ум, широту интересов, знание литературы, искусства, «страсть к дереву» (страсть наследственная, по словам М. Цветаевой), любовь к людям,

природе, русской земле... И, наконец, говорит о его основной деятельности, «к которой он был рожден, к замыслу всей его жизни: Учительству...» (2, с. 259). Отмечает его талант говорить, его «чудодейственный слегда, чуть прикасающийся голос», «бог вдохновенную ритмику его речи», яркость и образность ее, подчеркивает его скромность, человеческое достоинство... М. И. Цветаева отмечает, что окружающие люди разных социальных слоев независимо от их политических взглядов относились к С. М. Волконскому с большим уважением и почтением.

Она выражает глубокую признательность князю С. Волконскому, восхищается, гордится им: «Мое же русское и человеческое сердце, пока будет биться, не успевает радоваться этому простому чуду: человеку – вне века, князю – вне княжества, человеку – без оговорки: че – ло – ве – ку» (2, с. 266). Очерк «Кедр» поражает своей открытостью, беспощадной искренностью.

В 1921 г. М. И. Цветаева написала цикл стихотворений, посвященных князю С. М. Волконскому, назвав его «Ученик», который вошел в сборник «Ремесло» без посвящения. А в 1936 году в одном из экземпляров сборника «Ремесло» М. Цветаева сопроводила опубликованный цикл посвящением «Кн. с. М. Волконскому» и записью «Я тогда не проставила посвящения – чтобы его не смущать. Люблю его – до сих пор (1921-1936 гг.) М. Ц.» (2, с. 494). Сделанная М. Цветаевой запись дает нам возможность почувствовать остроту и глубину чувств ее, бережное отношение к князю С. Волконскому.

Цикл «Ученик» был написан М. И. Цветаевой за короткий срок (с 15 по 25 апреля 1921 г.), на одном дыхании, стихи, буквально, «прорвались», по ее словам. В одном из писем к Ю. П. Иваску она пишет: «Полгода переписывала ему начисто из чистейшего восторга и благодарности его рукописи, – трех его больших книг – ВОТ ТАКИМ ПОЧЕРКОМ, и ни строки своей не писала – не было времени – и вдруг прорвалось Учеником: Ремеслом». Приписка на полях, вверх ногами: «Достаньте Быт и бытие Кн(язя) С. Волконского, там есть большое, вводящее, посвящение мне. Тогда поймете нашу дружбу – и Ученика – и все!» (3, с. 393).

Действительно, посвящение М. И. Цветаевой, сделанное С. М. Волконским к книге «Быт и бытие» (1924), открывает нам многое в понимании их взаимоотношений. В предисловии к книге он объясняет причину своего посвящения: «Однажды Вы мне писали, что нравится Вам, как я быстро от неприятных вопросов быта перехожу к сверхжизненным вопросам бытия. И тут же, подумал я, какое бы было красивое заглавие – “Быт и бытие”. Но как, подумал я, трудно

написать такую книгу, которая бы такому заглавию соответствовала. Признаюсь, когда я начал, я совсем не думал, даже забыл об этом заглавии и только на восьмой главе, говоря о русском уездном городе, вдруг почувствовал, что я ведь именно об этом и пишу. Такова история заглавия, – Вы видите, что оно принадлежит Вам. Но не одно только слово, не один словесный звук Вам принадлежит. Принадлежит Вам и содержание этого звука, то есть раскрытие этого содержания...» (1, с. 543-544).

Приведенные слова позволяют говорить о том, что С. М. Волконский ценит талант М. И. Цветаевой, ее умение видеть, чувствовать, неординарность ее мышления. Она близка ему по духу, он относится к ней как равный к равному. А поэтому он искренне и с достоинством отдает ей предпочтение, признает ее заслугу. Он настойчиво повторяет: «Вам принадлежит заглавие», «Вам принадлежит не только слово, не один словесный звук», «Вам принадлежит и содержание этого звука». В этих словах звучит и уважение, и восхищение, и признание, и благодарность, и человеческое благородство. На основе сказанного мы можем говорить о высокой духовности, благородстве С. М. Волконского. Посвящение позволяет нам понять и благоговейное отношение М. Цветаевой к князю С. М. Волконскому, ее готовность быть вечным его учеником, идти «под одним плащом» «следом и следом» «через все века».

Цикл «Ученик» представляет собой целостное произведение, состоящее из семи стихотворений, объединенных одной идеей – любовью и поклонением учителю, готовностью следовать за ним вопреки всем жизненным перипетиям «под одним плащом» и «через все века». Эта мысль уже зазвучала в самом эпиграфе ко всему циклу. В качестве эпиграфа М. Цветаевой взяты слова:

*Сказать – задумалась о чем?
В дождь – под одним плащом,
В ночь – под одним плащом, потом
В гроб – под одним плащом.*

Мотив плаща, прозвучавший в эпиграфе, сообщает всему циклу стихотворений общее звучание музыки, музыки любви к Учителю, верности идеалам, готовности самоотверженно «идти» за мечтой «под одним плащом» «через все века». Следует заметить, что мотив плаща возник в поэзии Цветаевой еще в ранних стихах. Она посвятила плащу целый цикл стихотворений. Одно из ярких произведений этого цикла – «Ночные ласточки Интриги»:

*Ночные ласточки Интриги –
Плащи, – крылатые герои
Великосветских авантюр.*

*Плащ, щеголяющий дырою,
Плащ вольнодумца, плащ расстриги,
Плащ-проходимец, плащ Амур.*

*Плащ, прихотливый, как руно,
Плащ, преклоняющий колено,
Плащ, уверяющий: – темно...
Гудок дозора. – Рокот Сены.
Плащ Казановы, плащ Лозэна. –
Антуанетты домино.*

*Но вот, как черт из черных чащ –
Плащ-чернокнижник, вихрь-плащ,
Плащ-вóронок над стаей пестрой
Великосветских мотыльков.
Плащ цвета времени и снов –
Плащ Кавалера Калиостро (1918).*

Образ плаща тогда воспринимался лирической героиней романтически – как символ рыцарства, донжуанства, интриги, «плащ – цвета времени и снов». Плащ – это необходимая принадлежность, неотъемлемая часть одежды романтических героев. Плащ выполнял своеобразную, маскарадно-шаловливую роль, связанную с «крылатыми героями великосветских авантюр» в духе XVIII в.

Следует отметить, что в цикле «Ученик» образ плаща выполняет иную функцию, меняется и смысловая наполняемость образа-символа. В процессе анализа цикла стихотворений мы попытаемся проследить, какую роль выполняет образ плаща и как меняется смысл образа-символа.

Цикл «Ученик» открывается стихотворением «Быть мальчиком твоим светлоголовым...». В нем настойчиво звучит мечта лирической героини быть вечным учеником своего Учителя, «брести в суровом плаще ученика» «через все века», быть ему защитой, продолжить его дело во имя добра и справедливости – «и первым взойти на твой костер». Готовность ее быть «вечным» учеником нарастает с каждой новой строфой и достигается повторением притягательного местоимения «твой»: «мальчиком твоим», «пурпуром твоим», «твой вздох», «дыханием твоим», причем используется инверсия: «мальчиком твоим», «пурпуром твоим», «дыханием твоим», что как нельзя лучше передает возвышенность чувств лирической героини, признательность ее своему Учителю, готовность ее служить «плащом».

Интересно проследить, как с каждой строфой изменяется функция образа плаща, углубляется и его смысловая нагрузка. Так в первой строфе плащ выступает в роли вечного ученика, воспринимается лирической героиней как символ вечности:

*За пыльным пурпуром твоим брести
в суровом
Плаще ученика...*

Во второй строфе плащ для лирической героини как символ вдохновения, как животворящая сила:

*Душой, дыханием твоим живущей,
Как дуновением – плащ...*

В третьей строфе плащ выступает как способ служения и воспринимается лирической героиней как символ защиты:

*От всех обид, от всей земной обиды
Служить тебе плащом...*

Повторением слов «всех», «всей», выраженных относительным местоимением, усиливается готовность героини защитить Учителя «от всех обид».

В четвертой строфе плащ выступает уже в роли щита:

*При первом чернью занесенном камне
Уже не плащ – а щит!*

И в пятой, заключительной строфе звучит решительность, самоотверженность, готовность лирической героини служить высоким идеалам, радость борьбы:

*И – вдохновенно улыбнувшись – первым
Взойти на твой костер.*

Повторяющиеся тире в первой, второй, четвертой и пятой строфах усиливают смысловую значимость плаща, напряженность чувств лирической героини, делают стих торжественным и возвышенным. Стихотворение написано пятистопным ямбом, что придает стиху размеренность ритма и как нельзя лучше передает готовность ученика следовать за Учителем «в суровом плаще ученика» «через все века», стать его защитой, «служить» плащом, высоким идеалам. Мотивы, прозвучавшие в первом стихотворении, будут углубляться в последующих стихах цикла.

Во втором стихотворении цикла «Есть некий час – как сброшенная клажа...» воспевается «час ученичества». Интересно отметить, что в качестве эпитафии к нему М. И. Цветаева взяла слова из стихотворения Ф. И. Тютчева «Видение»: «Есть некий час...». И это не случайно. Ф. И. Тютчев раскрывает в нем состояние души поэта в «некий час в ночи, всемирного молчанья», именно в этот «час» поэту по-новому открывается мироздание, когда «лишь Музы девственную душу в пророческих тревожат боги снах». «Некий час в ночи» воспринимается автором как «час» (момент) поэтического вдохновенья, поэтического «полета», в жизни каждого поэта – это самые благодатные минуты.

М. И. Цветаева, в отличие от Ф. И. Тютчева, воспевает «час ученичества» как важный этап в жизни каждого человека, а поэтому он, по ее словам, «торжественно-неотвратим»:

*Час ученичества, он в жизни каждой
Торжественно-неотвратим...*

Она называет его высоким часом. Значимость «часа ученичества» для лирической героини усиливается повторением слова «час», оно повторяется семь раз в разных сочетаниях: «некий час», «час ученичества», «высокий час», «О этот час», «час веселый...» Он может быть разным: и тяжелым, и радостным, и веселым, и побуждающим к высоким порывам..., но этот «час» непродолжителен. Не случайно М. И. Цветаева сравнивает «час ученичества» со «сброшенной клажей», со «спелым колосом», с «голосом, вздымающим из своеволя дней». Сравнения выразительны, точны и дают нам, читателям, понять всю глубину смысла, значимость, важность, неповторимость, святость и «неотвратимость» периода ученичества в жизни каждого человека, его короткий срок – «и колос взрос, и час веселый пробил». Наступает новый период, новый этап – период зрелости, обретения себя. М. И. Цветаева называет этот период одиночеством, но одиночество – это не отказ от ученичества – это приобретение опыта, осознание себя, самостоятельность, творчество. По словам М. Цветаевой, одиночество не просто «высокий час», как «час ученичества», а «верховный час». А поэтому она благословляет его:

*Час ученичества! Но зрим и ведом
Другой нам свет, – еще заря зажглась
Благословен ему грядущий следом
Ты – одиночества верховный час!*

Стих звучит торжественно и приподнято. Торжественность достигается использованием высокой лексики (зрим, ведом, благословен...), повторением выражений «О этот час», восклицательной интонацией. Все стихотворение проникнуто высоким пафосом, звучит как гимн ученичеству.

Третье стихотворение цикла «Солнце Вечера – добрее...» созвучно с предыдущим стихотворением, условно оно состоит из двух частей. В первой части образ «Солнце Вечера» воспринимается лирической героиней как символ поэтического вдохновения, как благодатный момент для творчества, причем значимость его углубляется с каждой новой строфой:

*Солнце Вечера – добрее
Солнца в полдень... (первая строфа)*

*Отрешеннее и кротче
Солнце – к ночи... (вторая строфа)*

*Солнце Вечера – дороже
Песнопевцу! (третья строфа)*

Следует отметить, что смысл образа «Солнце Вечера» углубляется за счет использования качественных прилагательных сравнительной степени: «добрее», «отре-

шеннее и кротче», «дороже», – причем тире усиливает значимость образа.

Поэтическое вдохновение для поэта – источник творчества, а поэтому как Песнопевцу (Аполлону – богу искусства), так и поэту «Солнце Вечера» дороже, ценнее, важнее, ибо только творчеством жив поэт.

Во второй части настойчиво звучит мысль о зрелости ученика, о его решимости продолжить дело, начатое Учителем, и готовности служить высокому искусству. Творчество требует от поэта бескорыстности, человечности, отрешенности, независимости, самоотверженности, гражданского мужества:

*Солнце Вечера – не кланяется
Черни...*

*Низвергаемый к престолу
Вспомни – Феба!*

Необходимо обратить внимание на то, что автор очень тонко использует глаголы в повелительной форме («вспомни», не медли), передающие динамизм действия, как бы побуждающие лирическую героиню на решительный шаг. И заключительные строки проникнуты чувством самоотверженности, готовностью лирической героини отстаивать высокие идеалы, быть вместе с Учителем:

*Быть хочу твоей последней
Колокольней.*

И в четвертом стихотворении цикла «Пало прениже волн...» настойчиво и утвердительно выражена мысль о единстве, единодушии Учителя и ученика, о равенстве:

*Тихо взошли на холм
Вечные – двое...*

Единство душ выразительно раскрывается повторяющимися словами, выраженными собирательными и количественными числительными, прилагательными со значением количества: «двое взошли», «двойной черной башней», «двойным вздохом», «двое в покое», «два под одним плащом». Близость душ, взаимопонимание усиливается благодаря использованию устойчивого словосочетания – «плечо с плечом»:

*Тесно – плечо с плечом –
Встали в молчанье...*

Следует заметить, что выражение «плечо с плечом» выделяется тире с обеих сторон, что придает особую значимость взаимоотношениям, подчеркивает родство душ Учителя и ученика. Не случайно лирическая героиня называет Учителя «Отче». Она обращается к нему с просьбой, просит, молит его «взять» ее в свою жизнь прошлую, настоящую и будущую:

*– Отче, возьми в назад,
В жизнь свою, отче! (третья строфа)*

– Отче, возьми в закат

В ночь свою, отче! (четвертая строфа)

Напряженность чувств лирической героини передается повторением обращения «Отче» к Учителю (4 раза) и глагола «возьми» в повелительной форме. Слова звучат как мольба, заклинание, молитва. В них слышится готовность лирической героини разделить с Учителем и горести, и радость, быть вместе:

*Два – под одним плащом –
Ходят дыханья...*

Интересно отметить, что образ плаща несет уже другую смысловую нагрузку по сравнению с предыдущими стихотворениями. Плащ «превращается» в данном стихотворении в символ равенства, Учитель и ученик ведут себя как равный с равным:

*Борется плащ, двойным
Вздохом приподнят...*

Мотив «родства душ» зазвучит в следующем, пятом стихотворении цикла «Был час чудотворен и полн...». Следует заметить, что ощущение слитности душ, «чудотворности» этого момента передается от первого лица, от лирического «Я» героини:

*Я помню – бок о бок – на холм,
Я помню – всходили...*

Устойчивое выражение «бок о бок» как нельзя лучше раскрывает близость отношений, не случайно оно выделяется тире с обеих сторон, что и усиливает значимость их для героини. Она с нежностью вспоминает, как они вместе (Учитель и ученик) «всходили на холм», как их «речь сплеталась предивно с плащом»... Следует отметить, что плащ воспринимается лирической героиней как символ единства, слитности. А поэтому этот «час» (момент осознания радости понимания, единства, единодушия, родства духовного) для лирической героини «чудотворен» и незабываем. Повторением выражения «Я помню» подчеркивается чудотворная сила этого «часа» в жизни героини. Душа ее переполнена высоким чувством, рвется ввысь, торжествует:

*Всё выше, всё выше – высот
Последнее злато.*

*Сновидческий голос: Восход
Навстречу Закату.*

Повторяющиеся слова «всё выше» как нельзя лучше дают почувствовать нам, читателям, всю глубину и полноту чувств, переживаемых героиней. Заключительные строки звучат приподнято и торжественно. Мотив торжества становится ведущим в шестом стихотворении.

Стихотворение «Всё великолепиие...» наполнено любовью, восхищением, преклонением перед Учителем. Учитель возве-

личивается лирической героиней, чувства выражены предельно сдержанно:

Все великолепье

Труб – лишь только лепет

Трав – перед Тобой...

Учитель поставлен на высоту недостижимую, ничто не может сравниться с ним, все никнет перед его величием и красотой души: «Всё великолепье труб, бурь, крыл – лишь только лепет трав, щебет птиц, трепет век». Трижды повторенные слова «перед Тобой» (причем перед ним ставится тире) усиливают напряжение чувств лирической героини, ее преклонение и благоговение перед Учителем. Не случайно слово «Тобой» М. И. Цветаева пишет с большой буквы (правда, к сожалению, в одностомном издании «Избранные произведения» М. И. Цветаевой (М., 1965) «Тобой» написано с маленькой буквы. Считаю, что в этом случае снижается и смысловая нагрузка образа Учителя).

Стихотворение удивительно по своей музыкальности. Мелодика стиха достигается особой структурой, синтаксической конструкцией. Оно построено «как музыкальное произведение». Стихотворение состоит из трех строф, в каждой строфе – три строки, и каждая строфа начинается словами «Всё великолепье...» (первая строка), а заканчивается третья строка в каждой строфе словами «перед Тобой». Интересно и то, что внутри каждой строфы повторяются слова «лишь только» (вторая строка в каждой строфе), причем последние слова строк в первой строфе рифмуются с последними словами строк во второй и третьей строфах, что и создает своеобразный музыкальный ритм, напевность, как будто замирает сердце, нет слов, чтобы выразить всю гамму чувств – «лишь только лепет, щебет, трепет», звучит лишь музыка, музыка, возвеличивающая Учителя.

Стихотворение чрезвычайно интересно и с точки зрения синтаксиса. Оно состоит из трех двусоставных предложений, в которых подлежащее выражено словосочетанием («всё великолепье»), а именная часть составного сказуемого выражена именем существительным – «лепет», «щебет», «трепет». В предложении нет ни одного глагола и прилагательного, что и придает стиху особую сдержанность, приподнятость в передаче чувств. Тире, повторяющееся шесть раз, усиливает напряженность чувств лирической героини.

Строки звучат торжественно и приподнято. Образ Учителя возвеличен, он является идеалом, звездой для ученика, и за ним ученик готов идти «через все века». Мотив «следовать» утвердительно звучит в седь-

мом стихотворении, которым и завершается цикл «Ученик» М. И. Цветаевой.

Стихотворение «По холмам – круглым и смуглым...» наполнено уверенностью в необходимости следовать за мечтой (плащом) вопреки жизненным перипетиям. Раскрытию этой мысли подчинена вся структура стихотворения. Оно уникально по своей структуре и музыкальности (4, с. 104-121). Это стихотворение, как и предыдущее, «построено» как музыкальное произведение, которому свойственен особый ритм, мелодия. Оно состоит из двенадцати строк, составляющих три строфы по четыре строки. Стихотворение написано трехстопным размером, причем правая часть написана дактилем, а левая – анапестом, что и создает определенную размеренность, напевность и передает готовность ученика идти за мечтой (плащом) «следом и следом». Мелодика стиха создается за счет особого ритма и синтаксической конструкции. Особенностью синтаксической конструкции является то, что основная мысль выражена неполным предложением, в нем отсутствует подлежащее и сказуемое, причем нет ни одного глагола, что и делает синтаксическую конструкцию уникальной.

Стихотворение состоит из одинаковых синтаксических конструкций: определений и обстоятельств, причем допускается инверсия: «по холмам – круглым и смуглым», «под лучом – сильным и пыльным...».

Правая часть (дактилическая) состоит из прилагательных в творительном падеже, единственном числе и образует ритм парных определений, которые стоят после определяемого слова.

Левая часть (анапестическая) состоит из имен существительных в творительном и дательном падежах и образует ритм парных обстоятельств:

За плащом – рдяным и рваным...

Повторением одинаковых конструкций и создается особый ритм, напевность стиха.

Мелодика стиха достигается и благодаря внутренним паузам. Пауза в стихотворении М. И. Цветаевой играет особую роль. Двенадцать раз повторяется цезура после анапестической стопы:

По холма́м // – крúглым и смúглым...

(анапест) (дактиль)

Пауза усиливает напряжение, замедляет его, тире «рвет» стиховую строку на две части, различных по синтаксической конструкции и разных по смысловой нагрузке. Различен и семантический, и образный смысл синтаксических конструкций: левая часть в строке содержит образ метонимический (переименование – оборот речи, троп – замена одного слова другим на основании смежности двух понятий: «лес поет» вместо

– «Птицы в лемму поют» и др.), а правая часть – метафористический образ. Поэтому правая часть – эмоциональная, усиливающая нарастание чувства, а левая – позитивная. Интересно проследить, как передается движение чувства и нарастание его от строфы к строфе.

В первой строфе дается как бы внешняя характеристика:

... – *круглым и смуглым,*
... – *сильным и пыльным,*
... – *робким и кротким,*
... – *рдяным и рваным.*

Определения «робким и кротким» как нельзя лучше передают несмелость, робость лирической героини, но желание следовать за «плащом» (мечтой) усиливается в следующей строфе.

Вторая строфа – драматическая:

... – *жадным и ржавым,*
... – *жгучим и пьющим,*
... – *робким и кротким,*
... – *следом и следом.*

Стремление следовать перерастает в готовность лирической героини «идти» за «плащом» «следом». Не случайно два раза повторяется слово «следом».

Мотив «следования» настойчиво и уверенно звучит в третьей строфе – эмоциональной:

... – *лутым и вздутым,*
... – *гневным и древним,*
... – *робким и кротким,*
... – *лгуцим и лгуцим.*

Определения удивительно выразительны и усиливают эмоциональную напряженность первой и второй строф. Следует заметить, что ритм конечных пауз – каждая четвертая строка в каждой строфе более интенсивная, чем предыдущая:

– первая строфа «*За плащом – рдяным и рваным,*»

– вторая строфа «*За плащом – следом и следом,*»

– строфа «*За плащом – лгуцим и лгуцим.*»

Настойчивость «идти» «следом и следом», прозвучавшая во второй строфе, перерастает в чувство уверенности, преданности мечте, идеалу в третьей строфе. Определение «лгуцим и лгуцим», повторяющееся два раза, усиливает уверенность лирической героини. Слово «лгуций» является ключевым и несет огромную смысловую нагрузку, оно означает «манящий, зовущий к мечте» («плащ», по словам Е. Г. Эткинда, как будто искал этого слова, ради этого слова и написано стихотворение). Лирическая героиня готова «идти» за манящей мечтой («плащом») вопреки жизненным бурям,

разочарованиям, невзгодам «следом и следом» «через все века». Строки стихотворения звучат с нарастающей твердостью и уверенностью от строфы к строфе, благодаря ритму повторяющихся мужских рифм внутри строки:

По холмам – ...
Под лучом – ...
Сапожком – ...
За плащом – ...

Мелодика стиха создается не только за счет повторяющихся синтаксических конструкций, но и благодаря повторению начала строк в каждой строфе (последних трех строк). Одинаковое начало строк и создает особую мелодичность и усиливает напряженность чувств лирической героини и ее готовность следовать за манящей мечтой (плащом) «через все века».

Итак, мотив «следовать», обозначившийся еще в эпиграфе, постепенно углубляется в стихотворениях цикла и «находит» свое завершение в последнем стихотворении «По холмам – круглым и смуглым...». Оно звучит как заключительный аккорд и придает всему циклу целостность и завершенность.

Весь цикл «Ученик» пронизан любовью к Учителю, верой в идеал, готовностью ученика следовать за Учителем, «идти» за мечтой «через все века». Интересно и то, что в цикле стихотворений М. И. Цветаевой образ плаща выполняет не такую функцию, как в ее ранних стихах. «Плащ» воспринимается лирической героиней и как символ вечности, и как символ защиты («от всех обид»), и как щит, и как символ единства, родства душ, «покров» для равных и как мечта. Из романтического и маскарадно-шаловливого образа плащ превращается в символ равенства, «покров» для равных.

«Под “равенством”, – как пишет Т. Бачелис, – мы, естественно, разумеем лишь цветаевскую метафору культуры, отнюдь не масштабы дарований. Можно понимать это и иначе. Но нам кажется, что именно высочайшую культуру знания, поведения, открытую свободу духа более всего ценила в Волконском и в его “пыльном пурпуре” Цветаева..., в те годы именно этот тип культуры, полной мужества и достоинства, исчезал. Об этом и тоскует поэт» (1, с. 359).

В Цикле «Ученик» М. И. Цветаева выразила свою признательность и благодарность князю С. М. Волконскому как величайшему Учителю Жизни, человеку своего «века и духа». Это лучшие стихи об учителе во всей русской поэзии.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Волконский С. М. Мои воспоминания : в 2 т. Т. 2. М., 1992.
2. Цветаева М. И. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 5. М., 1995.
3. Цветаева М. И. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 6. М., 1995.
4. Эткинд Е. Г. Ритм поэтического произведения как фактор содержания // Ритм пространства и время в литературе и искусстве. Л., 1974.

Статью рекомендует д-р филол. наук, проф. Н. В. Барковская.